

СТАТЬИ. ЗАМЕТКИ. СООБЩЕНИЯ

Литературный факт.
2022. № 2 (24)

Literaturnyi fakt [Literary Fact],
no. 2 (24), 2022

Научная статья
с публикацией архивных материалов
УДК 821.161.1.0
<https://doi.org/10.22455/2541-8297-2022-24-132-151>
<https://elibrary.ru/CTGAQT>

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

**«Слушая великого художника,
я нашел что-то великое и нужное...»:
Письма Семена Фикса — Горькому и о Горьком
(по материалам Архива А.М. Горького)**

© 2022, Л.Г. Жуховицкая

Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук
Москва, Россия

Аннотация: Публикуемые материалы Архива А.М. Горького дополняют появившиеся в последнее время исследования, связанные с именем художника Семена Иосифовича Фикса, новыми фактами и подробностями его жизни и творчества. Единственное упоминание имени Фикса в письме А.М. Горького издателю А.Э. Когану — публикация Л. Флейшмана 1979 г. — долгое время оставалось некомментируемым; разрозненные сведения о художнике оставляли значительные лакуны в его биографии. Исследование В. Хазана, дополненное публикацией писем Фикса Р.Г. Фридлендеру и Н.Г. Фридлендер, хранящихся в архиве Давида и Евсея Шоров (Национальная библиотека Израиля, Иерусалим), воссоздает основные эпизоды творческой биографии художника. Письма, хранящиеся в Архиве А.М. Горького, открывают подробности ранее неизвестного его знакомства с художником. Рассмотренный в целом корпус писем Фикса — три письма Горькому и четыре письма родным — свидетельствует о достаточно продолжительном их знакомстве, очевидном интересе Горького к творчеству и личности молодого живописца. Содержание последнего из трех писем Фикса Горькому от 28 января 1936 г. продолжает описанную в письме родным беседу с Горьким при их встрече в Сорренто в апреле 1928 г. Логично предположить, что ее темы — художественного образования и положения художников в советском обществе — обсуждались с Горьким и в период между этими двумя датами; возможно, исследователям еще представится случай в этом убедиться.

Ключевые слова: М. Горький, С. Фикс, П. Муратов, М. Пешков, русские художники в Италии, переписка, Архив А.М. Горького.

Информация об авторе: Лариса Григорьевна Жуховицкая — инженер-исследователь, Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская, д. 25 а, 121069 г. Москва, Россия.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-9240-594X>

E-mail: zhukhovitskaya11@gmail.com

Для цитирования: *Жуховицкая Л.Г.* «Слушая великого художника, я нашел что-то великое и нужное...»: Письма Семена Фикса — Горькому и о Горьком (по материалам Архива А.М. Горького) // Литературный факт. 2022. № 2 (24). С. 132–151. <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2022-24-132-151>

В горьковедческой литературе имя художника Семена Иосифовича Фикса¹ (1896, Одесса – 1954, Москва) встречается лишь однажды — в письме А.М. Горького к издателю А.Э. Когану² от 19 мая 1925 г., в котором Горький рекомендует талантливого художника для работы в предполагаемом издательском проекте; впервые — в публикации Л. Флейшмана «Горький и журнальный проект А.Э. Когана» [9]. Комментарии к письму, вошедшему в ПСС [6, с. 186, 187], сведений о художнике Фиксе не добавляют.

Трудно составить представление о художнике и по искусствоведческой литературе; данные биобиблиографического справочника О.М. Барковской «Общество независимых художников в Одессе» [2, с. 191, 192] достаточно подробно освещают одесский период — до отъезда в Москву в 1921 г. — и в самых общих чертах касаются его дальнейшей творческой биографии, не упоминая при этом шести лет, проведенных в заграничной командировке. В исследовании Е.А. Булучевской Фикс назван среди художников, эмигрировавших в Италию в середине 1920-х гг. [3, с. 45]; в энциклопедической статье Лауры Пикколо [8, с. 673, 674], описывающей пребывание художника в Италии, отсутствуют какие-либо сведения как о предшествующих, так и о дальнейших событиях его жизни. Возникало даже предположение об однофамильцах — итальянском и советском Фиксе [4].

Говоря о художнике, кажется уместным представить его жизнеописание в виде панорамной картины — таким разворачивается оно в исследовании В. Хазана «Тот самый Семен Фикс (Несколько новых штрихов к биографии художника)» [10, с. 415–436], полностью проясняющем казавшиеся несопоставимыми факты. Публикация писем Фикса Рафаилу Григорьевичу Фридлендеру³ и Надежде Рафаиловне

¹ Известен также под именем Симон (Самуил) Осипович Фикс; писал под псевдонимами Сфинкс и Скиф.

² Коган Александр Эдуардович (1878–1949) — редактор и издатель; организатор петроградского издательства «Копейка», издательства «Русское искусство» в Берлине и журнала «Жар-птица» (Берлин-Париж; 1921–1926). Проект журнала, объединяющего современную культуру Запада, русской эмиграции и новой России, на который с энтузиазмом откликнулся Горький, остался неосуществленным.

³ Рафаил Григорьевич Фридлендер (1871–1946) — инженер-технолог, специалист по художественным краскам; знаток и ценитель живописи.

Фридлиндер⁴ придает биографическому очерку мемуарный характер, живое ощущение времени и места.

Биографию художника безусловно можно разделить на три периода: послереволюционной молодости, период заграничной командировки и годы после возвращения в Советский Союз. Первый период — учеба в Одесском художественном училище (и одновременная работа помощником театрального декоратора), затем в Москве в ГСХМ (Государственные Свободные Художественные Мастерские), впоследствии во ВХУТЕМАСе и на курсах ИЗО при Наркомпросе), далее служба добровольцем в Красной Армии и знакомство с легендарным матросом Железняком⁵, выставки Общества независимых художников в Одессе, сотрудничество в одесской газете «Фигаро» и сатирическом журнале «Облава», дружба с Э. Багрицким и И. Бабелем, плакаты для Юг-РОСТА. С 1924 по 1930 гг. художник находился в творческой командировке Наркомпроса в Италии и Франции. После возвращения в Советский Союз Семен Фикс регулярно участвовал в московских и ленинградских выставках [5], входил в ленинградскую группу живописно-пластического реализма (и был арестован вместе со всей группой в 1935 г., но не осужден, — видимо, как пробывший в ней недолгое время). Во время Великой Отечественной войны находился в рядах народного ополчения, выпускал «Боевые листки», был отозван Московским Союзом художников и эвакуирован в Челябинск, где также участвовал в выставках [5]. После войны вернулся в Москву.

С.И. Фикс (1940-е гг.). РГАЛИ. Ф. 2907, оп. 2, ед. хр. 831, л. 1а.

S. Fix (1940s). Russian State Archive of Literature and Art (RGALI), coll. 2907, aids 2, fol. 831, p. 1a

Известный, возможно, лишь узкому кругу специалистов на родине, за сравнительно непродолжительное пребывание в Италии и Франции

(четыре с половиной и полтора года соответственно) Фикс приобрел некоторую, вполне заслуженную, известность на Западе. С 1926 по 1928 гг. в Доме искусств Брагалья (Casa d'Arte Bragaglia) в Риме состоялись три его выставки; две выставки прошли в Париже —

⁴ Надежда Рафаиловна Фридлиндер (Шор) (1906–1999) — дочь Р.Г. Фридлиндера; обучалась живописи и фотоискусству в Германии, Италии и Франции.

⁵ Анатолий Григорьевич Железняков (1895–1919) — балтийский матрос, анархист, «разогнавший» Учредительное собрание исторической фразой «Караул устал».

в *Galerie Carmine* и в *Galerie à la jeune Parque*; в 1929 г. состоялась выставка в Лондоне. О Фиксе писала итальянская, французская и лондонская пресса, его картины репродуцировались в Неаполитанском иллюстрированном журнале, — примечательно, что Фикс узнал об этом в доме Горького (см. письмо 7). На Международной выставке декоративного искусства в Милане 1927 г. по заказу советского торгпредства им было выполнено два живописных панно. Помимо занятий живописью, Фикс работал главным декоратором городского театра Дженцано-ди-Рома; письмо родным от 12 мая 1925 г. (письмо 4) добавляет к перечисленным видам его деятельности работу в студии римского художника и сценографа Энрико Прампolini⁶ (см. письмо 4).

Публикуемые письма открывают подробности ранее неизвестного и отнюдь не поверхностного знакомства художника с Горьким. Вероятнее всего, с живописным творчеством Фикса Горького познакомил известный искусствовед-италофил, автор классического сочинения «Образы Италии» П.П. Муратов, о дружбе с которым так восторженно отзывается Фикс в письме родным (см. письмо 4). Рекомендую А.Э. Когану «талантливых русских художников Шалтьяна⁷ <sic> и Фикса», Горький добавляет: «Адреса прилагаю», — адреса могли быть ему известны от Муратова, дружившего и с Шилтьяном, и с Фиксом. Тогда же, возможно, последний получил приглашение Горького пожить и поработать в Сорренто. Об этом с радостным волнением пишет он в письме к родным от 12 мая 1925 г. Сопоставление указанных в письме дат — ответное письмо родителей на сообщение о приглашении Горького получено 4 мая — позволяет отнести предложение Горького приблизительно к концу апреля 1925 г. Однако воспользоваться им художнику не удалось — возможно, по причине занятости и специфики работы в студии Прампolini (см. письмо 4). Аналогичная ситуация, когда работа сценографом городского театра Дженцано-ди-Рома не позволила ему отправиться в увлекательное путешествие вместе с труппой неаполитанского театра, описывается в письме Фикса от 11 октября 1925 г. к Н. Фридендер:

Приезжала в Genzano труппа неаполитанского театра, которая совершает турне по маленьким городкам. И вот директор этого

⁶ Энрико Прампolini (Enrico Prampolini; 1894–1956) — художник, скульптор и сценограф, автор манифеста «Футуристическая сценография и хореография» (*Scenografia e coreografia futurista*), 1915.

⁷ Правильно: Шилтьян (Шилтян) Григорий Иванович (1900–1985) — родился в Нахичевани (Ростов-на-Дону), эмигрировал в 1919 г., в 1923–1927 гг. жил в Риме.

театра предложил мне совершить турне вместе с его труппой, но я, будучи связан контрактом с директором местного городского театра, принужден был отказаться от этой такой прелестной, заманчивой поездки. Мне, конечно, досадно.

В письме Горькому от 8 мая 1927 г. (письмо 1) Фикс вспоминает прошлогодний приезд — на мотоцикле — в Genzano Максима Алексеича. Очевидно, что знакомство Фикса с сыном Горького — также при возможном посредничестве Муратова⁸ — произошло раньше знакомства с Горьким, и в дом Горького Фикс приезжал в качестве друга и гостя Максима Алексеича.

Оправданным представляется ощущение того, что публикуемые письма соединяют пунктирной линией факты предположительно более частого общения художника с Горьким, продолжавшегося, возможно, и после возвращения обоих на родину. По сути, письмо Фикса Горькому от 28 января 1936 г. (письмо 3) — продолжение темы беседы, состоявшейся в 1928 г. (письмо 7), и, вероятно, возобновлявшейся в промежутки между этими двумя датами.

Остается только сожалеть о том, что в настоящее время неизвестна судьба остальных писем Фикса родным — своеобразных дневниковых записей, по которым можно было бы восстановить летопись необыкновенно насыщенной жизни незаурядного художника, неравнодушного свидетеля и участника исторических событий.

Письма публикуются по рукописным автографам, хранящимся в Архиве А.М. Горького: КГ-ДИ 10-22-1, КГ-ДИ 10-22-2, КГ-ДИ 10-22-3 (письма А.М. Горькому); ПТЛ 16-126-1, ПТЛ 16-126-2, ПТЛ 16-126-3, ПТЛ 16-126-4 (письма родителям и сестрам). Авторские особенности текста, подчеркивание и многоточия, разграничивающие текст, сохранены; сокращения раскрыты в угловых скобках.

⁸ В письмах Горького неоднократно встречаются упоминания о совместных поездках Муратова с Максимом Алексеичем по городам Италии: «...сейчас он <Максим> уехал с П.П. Муратовым по маленьким городам Неапол<итанской> области, смотреть старину» (письмо В.С. Познеру от 3 августа 1924 г. [6, с. 40]); «Максима нет, уехал с Муратовым путешествовать на две недели» (письмо Е.П. Пешковой от 14 сентября 1924 г. [6, с. 53]).

1

Семен Фикс — А.М. Горькому

8 мая 1927

Ромы 8/V 1927
Дорогой Алексей Максимович
Ежели Вы будете в этом
месяце в Риме, то посетите,
пожалуйста, мою выставку
в павильоне у Ватикана.
Я знаю, что Вы редко
выезжаете из Соренто. Но
вспомните, как в прошлом
году, когда я был в Генуе,
проезжал этот городок Максим
Алексеевич на мотоцикле и
собирая, что Вы в Риме.
А в это время, когда Вы
были в Риме, в том же

С. Фикс. Письмо А.М. Горькому от 8 мая 1927 г. (фрагмент)

S. Fix. A fragment of the letter to Gorky (8 May 1927)

Roma 8/V <1>927

Дорогой Алексей Максимович

Ежели Вы будете в этом месяце в Риме, посетите, пожалуйста, мою выставку в подвале у Bragaglia¹.

Я знаю, что Вы редко выезжаете из Sorrento. Но вспоминаю, как в прошлом году, когда я жил в Genzano², проезжал этот городок Максим Алексеевич³ на мотоцикле и сообщил, что Вы в Риме. А в это время, когда Вы были в Риме, в том же подвале Bragaglia была моя I-я выставка. Я очень сожалел, что Вам сообщить не мог я через Максим<a> Алексеевича о выставке в прошл<ом> году.

Дорогой Максим Горький⁴!

Ежели в этом месяце Вам придется быть в Риме, будьте добры ко мне на выставку.

Уважающий Вас

С. Фикс

P. S. А ежели Вы в Рим и не собираетесь, то может быть из Ваших, кто-либо едет сюда. Зову я всех в подвал Bragaglia.

¹ Галерея Дома искусств Брагалья (Casa d'Arte Bragaglia) в Риме, в котором состоялись три выставки Фикса в 1926, 1927 и 1928 гг., располагалась в подземных помещениях Дворца Титтони (Palazzo Tittoni).

² Дженцано-ди-Рома (Genzano di Roma), небольшой городок в окрестностях Рима.

³ Максим Алексеевич Пешков (1897–1934), сын А.М. Горького.

⁴ Общепринятое обращение к Горькому малознакомых ему лиц, каким является Фикс в момент написания письма.

2

Семен Фикс — А.М. Горькому

Б. д.

Дорогой Алексей Максимович!

Поздравляю Вас с приездом. От души желаю Вам — здоровья, сил и времени для искусства.

С. Фикс

(pittore¹)

Привет уваж<аемой> Вашей семье.

¹ pittore (*итал.*) – художник.

3

Семен Фикс — А.М. Горькому
28 января 1936

С. Фикс
Москва, 19
Крестовоздвиженский
пер. 2, кв. 6

Москва 28/1 1936

Дорогой Алексей Максимович

Ко мне пришел мой товарищ художник Николай Мамонтов¹. Он мне рассказал, как это сегодня, заведующий библиотекой при Военной Школе им. ЦИК'а заказал ему два десятка портретов писателей разных времен и народов. Заведующий библиотекой предложил Мамонтову эту работу, но только с одним условием — чтобы портреты писателей были похожи на фотографические снимки. Те портреты писателей, которые в оригинале сделаны в форме рисунка, как например Гете, Мольера, ибо тогда, когда они жили еще не существовало фотографии, то им следует, во что бы то ни стало — придать характер фотографического снимка. Специальным инструментом фотографа так называемым *соусом* сделать нужно 2 десятка портретов.

Как ни убеждал заведующего библиотекой мой товарищ, что у него лучше выйдет, ежели портреты писателей будут рисуночные — заведующий остался на своем.

Художник Мамонтов, проживший в Италии 6 лет, упорно изучавший там искусство старых мастеров, художник безусловно одаренный, направился в магазин фотографических инструментов приобрести *соус*, дабы выполнить эту чуждую ему работу — заработать на хлеб. А голодает он ужасно.

Я передаю Вам этот случай, дорогой Алексей Максимович, дабы показать Вам, какое сильное влияние оказал на кой-кого из трудящейся советской интеллигенции — заслуженный деятель Исхаак Бродский² своим формальным подходом к объекту, к натуре.

Только этим влиянием можно объяснить такое презрительное отношение к тому, что-либо напоминающее руку художника, и, наоборот, такое преклонение к зализанности пассивного фотоаппарата.

Я лишь приехал из Ленинграда, где 1½ года состоял на Высших Курсах повышения Квалификации при Всероссийской Академии Художеств³, директором которой является художник Исаак

Бродский. Не имея мастерской в Москве, я уехал на курсы поработать с живой натуры и изучить сокровища Эрмитажа.

Пришел как-то в мастерскую, где я работал, сам Ис<аак> Изр<айлевиц> Бродский, и у нас произошел такой разговор об искусстве.

«В живописи, — сказал Бродский, — важнее рисунок, чем цвет. Цвет не имеет значения. Вот, в музеях, посмотрите, цвет у великих художников выцвел, а рисунок остался. И у всех великих мастеров рисунок одинаков...»

«Как же, — говорю я т. Бродскому, — ведь рисунок Бот<т>ичелли и рисунок Рафаэля — совершенно разные, ибо цвет Бот<т>ичелли неразрывно связан с рисунком его, точно также к<а>к и у Рафаэля. Неправильно утверждение некоторых: “Рисунок Рафаэля мне нравится, а по цвету он сладкий, зализанный”. Принимая рисунок Рафаэля, нужно, во что бы то ни стало, принять и его гладкую манеру письма. Точно так же и рисунок, и живопись связаны у Эль-Греко...»

«Эль-Греко — шарлатан, — прервал меня Бродский. — Его раздул какой-то французский коллекционер, скупив его вещи. И где можно видеть Греко?»

«Как где, ведь он находится и в Эрмитаже, и в Лувре, и в Римских музеях. Ведь он ученик Тинторетто...»

«Да это ничего не значит, — говорит Бродский... — Вот у Репина было 90 учеников, и не все были таланты...»

.....
Недавно в «Юманите» Поль Гзель⁴, говоря о сумерках буржуазного театра, закончил так: «Буржуазный театр умирает оттого, что он уже не может сказать ничего сильного, искреннего, глубокого...»

А что касается европейской живописи, то это можно было сказать еще раньше, много лет тому назад.

У нас все предпосылки к расцвету живописи. Но, мы скорее к этому сможем прийти, ежели не будет на пути тех преград, одну из которых я описал Вам в начале своего письма.

.....
Я проводил третьего дня в Крым в санаторию художника Павла Сурикова⁵, с которым я приезжал к Вам в Сорренто.

Он заболел туберкулезом в результате пренебрежительного отношения к нему руководителей нашего изо-фронта.

У меня живет бездомный художник М. Налев⁶, который, приехав из Парижа, принужден вот уже в течение 3-х лет выслушивать от правления МОССХ⁷, что вот-вот ему комнату дадут. А он, живя у меня, в комнате 11-метровой — никак не развернет, не покажет

тот свой багаж живописных навыков, который отсутствует у очень многих наших известных *мастеров*.

В «Правде» был помещен призыв ко всем художникам Союза за подписью Бродского и друг<их> по случаю предстоящего юбилея Красной Армии.

«Беритесь за кисть!» — говорил этот призыв. Когда я с товарищем направился в Комитет выставки, то нам Секретарь Комитета тов. Звенигородская заявила: «Нет, мы Вам не окажем помощи в писании картины для этой выставки, ибо мы привлекаем только известных художников». Но, ведь призыв в «Правде» был обращен ко всем художникам Союза.

.....

Исполнилось 5 лет, как прошу я в соответствующих организациях столь нужную мне мастерскую для работы и контрактацию. 5 лет — безрезультатно хлопочу я все об одном и том же. Простите, дорогой Алексей Максимович.

Ув<ажаящий> Вас С. Фикс

¹ Николай Андреевич Мамонтов (1898–1964), живописец, график, с 1924 по 1932 гг. жил в Италии; учился в художественной академии немецкого мастера неоклассицизма Зигмунда Липиньского (Lipinsky; 1873–1940), размещавшейся на вилле Штроль-Ферн. По возвращении в СССР был в 1934 г. арестован и приговорен к 5 годам принудительных работ. Письмо Фикса показывает, что он был освобожден из заключения досрочно.

² Исаак Израилевич Бродский (1883–1939), советский художник и педагог, заслуженный деятель искусств РСФСР (1932); один из главных представителей официального советского живописного искусства.

³ Фикс ушел со второго курса (РГАЛИ. Ф. 2907. Оп. 2. Ед. хр. 831. Л. 1).

⁴ Поль Гзель (Paul Valentin Gsell; 1870–1947), французский писатель и искусствовед.

⁵ Павел Васильевич Суриков (1897–1943), советский художник; с 1927 по 1929 гг. находился за границей – в Италии, Франции и Германии – в творческой командировке. Умер от туберкулеза.

⁶ Марк Налёво (ум. 1940), художник трагической судьбы, о котором имеется минимальное количество сведений. Участник Первой мировой войны, на которой получил ранение в ногу; страдал от раны всю жизнь. В 20-х гг. жил в Париже. Умер от рака в клинике Московского государственного университета.

⁷ МОССХ – Московская организация Союза советских художников.

4

Семен Фикс — родителям и сестрам¹
12 мая 1925

Roma 12/V <1>925

Дорогие родители,
милые Соня, Роза, Сима!

Сегодня исполнилось 8 месяцев, как исполнилась моя мечта. Я здоров и душевно бодр. Я счастлив.

Ваше дорогое письмо от 4/V я вчера получил. Я рад, что приглашение меня Максимом Горьким к нему приехать, доставило Вам удовольствие. Да, дорогие, это счастье, я бесконечно этому рад и пока не буду там у Горького в Sor<г>ento (возле Capri) до тех пор этому не верю и даже никому из знакомых об этом не говорю.

Это счастье, во-первых, потому, что смогу некоторое время жить бок о бок с Алексеем Максимовичем Пешковым — Максимом Горьким, с этим, как ты, дорогой папа, верно говоришь, всемирно чтимым художником и мыслителем. А во II-х — это счастье большое, ибо смогу, живя у Горького в Sor<г>ento — резюмировать свои римские впечатления и переживания, отдавшись исключительно живописи. Да, дорогая мама, я поправлю свое здоровье и успокою свои нервы, но только, не благодаря чудному воздуху, а благодаря этой работе, которой мечтаю там себя посвятить. Я повторяю, Вы правы, жить в Sor<г>ento у М. Горького — это счастье, и покамест я не увижу это наяву, покамест это не произойдет — я этому не верю, я никому об этом не говорю, я прошу вас об этом, пока, говорить шепотом.

Я продолжаю работать у Prampolini. Prampolini все еще болен и мне приходится кроме того, что работать у него в студии, разъезжать по фабрикам и мастерским и следить, чтобы макеты к декорациям были бы сделаны к<a>к следует. В воскресенье был у Муратова. Он накануне приехал из Флоренции, куда ездил по научному делу. Я провел с ним долгий вечер, в течение которого Муратов охотно делился со мной своими флорентийскими впечатлениями, со свойственным ему энтузиазмом и красочностью. Если бы Вы знали, дорогие, какую пользу Муратов приносит мне своими рассказами, своими советами. Я дорожу знакомством с этим единственно серьезным и талантливым знатком Итальянского Искусства. Воистину счастье жить в Риме вместе с Муратовым².

Дорогой папа! Ты просишь, чтобы я тебе разъяснил свою фразу в письме от 26 пр<ошлого> м<есяца>, в которой говорю, что впечатления меня потрясают, душат, что если смогу все это перемолоть,

то результат будет отличный. Я постараюсь, папа, тебе все разъяснить. Ты понимаешь, дорогой папа, когда я в Риме впервые увидел мраморную статую, изображающую Давида, сделанную 19-летним Бернини (XVIII в.) с невероятным мастерством, когда я увидел, как 20-летняя девушка (!) Джентильески³ (XVII в.) написала колоссальную, многофигурную картину, в которой и колорит и ритм доведены до высшего совершенства, когда я впервые увидел Станцы (в Ватикане), расписанные 25-летним Рафаэлем, или же Сикстинскую Капеллу, расписанную молодым Микель-Анджелло <sic>, впечатления от которых никакими словами передать нельзя, так это сильно и по содержанию и по мастерству, когда я все это увидел впервые (я не хочу утомлять тебя перечислением картин и статуй других художников), то я как зритель был приведен в восторг неописуемый, а как художник был приведен в отчаяние невероятное. Ведь ты подумай, папа, в моем возрасте эти художники владели уж мастерством, в наше время и старыми художниками не превзойденным! Как не прийти от этого в отчаяние? И все это потому, что у тех художников были учителя такие же талантливые, которые гордились, что ученики продолжать будут их традицию. А в наше время художники, не имея учителей (*учителей* живописи-то много, но молодые художники на законном основании их слушать не хотят), будучи в связи с этим в своем развитии обязаны самому себе, очень поздно постигают сущность искусства, тайны своего ремесла. Лучший современный художник Италии (в Париже такого не найти) Карена⁴ <sic> лишь 2, 3 года тому назад пришел, что называется, к мастерству, стал писать отличные вещи, а ему между тем больше 40 лет... Вот эту разницу между современными художниками и художниками Эпохи Ренессанса, т. е. расцвета Итальянского Искусства, я здесь впервые осознал. И осознав это, пришел в отчаяние.

Но если счастье мне улыбнется, и я смогу, отдавшись живописи, перемолоть, т. е. синтезировать свои впечатления от музеев, дворцов и площадей Рима — то естественно отчаянию этому не будет места. А после большой и упорной работы я должен буду уж почувствовать себя мастером, т. е. иными словами цель моей заграничной поездки этим и будет достигнута. Вот, дорогой папа, что я думал, когда говорил об *отличном результате, если смогу все перемолоть*. Ты прости, что так я уж и на этот раз нескладно, тяжело <...> (*продолжение письма отсутствует*).

¹ Родители С.И. Фикса — Иосиф Аронович и Анна Лазаревна; их биографические данные не разысканы.

² Отправившись в 1922 г. в зарубежную командировку и прожив некоторое время в Берлине, П.П. Муратов в ноябре 1923 г. обосновался в Риме. Его квартира на via del Babuino, 155 превратилась в место встречи русских эмигрантов с итальянской интеллигенцией. Муратов поддерживал тесные отношения с братьями Брагалья, основателями Дома искусств, в котором прошли три выставки Фикса.

³ Артемизия Джентилески (Artemisia Gentileschi; 1593 — ок. 1653), итальянская художница, дочь художника Орацио Джентилески.

⁴ Феличе Карена (Felice Carena; 1879–1966), итальянский живописец. Косвенным доказательством посредничества Муратова в знакомстве Горького с Фиксом представляется «предложение П.П. Муратову дать статью о Карене <sic> с репродукциями его – Карена – картин», о чем Горький пишет Когану [9; 6, с. 186]; здесь прослеживается совпадение мнений Муратова и Фикса о Карена.

5

Семен Фикс — родителям и сестрам 14 июля 1925

Genzano di Roma 14/VII <1>925

Дорогие родители,
милые Соня, Роза, Сима!

Ваше дорогое письмо от 1-го июля я получил.

Я ликвидировал свою римскую жизнь и окончательно переехал в Genzano di Roma.

Хозяйка моей комнаты (на Plazzo dei Fiori) и ее сыновья расставались со мной, как с родным. Я signor'у Mariett'у долго буду помнить. Я дал слово как лишь приеду в Рим, непременно зайду. Взяли мой адрес в Genzano di Roma, в след<ующее> воскресенье — Marietta и ее сын моих лет — Antonio — ко мне приедут.

Вы уже знаете — до сих пор моей базой жизни в Genzano di Roma — послужила картина масл<яными> красками — для хозяина пансиона. Ныне я картину закончил и благодаря ей получил службу Главного декоратора в Городском Театре. Работы в театре немного — всего лишь 4 часа — и я пользуюсь остальным временем — и упорно, к<a>к никогда — занимаюсь живописью.

Ваше сердечное поздравление — милая мамочка и любимый папа — влило во мне <sic> еще больше силы, еще больше рвения к работе. Я работаю с 6½ ч. утра (с 10 ч. до 2 — в театре) — а затем до заката солнца. У меня есть краски, есть холсты, меня окружает сказочная природа, душевно бодр я — в общем я счастлив, милые.

Моя дружба с английским скульптором Alfred'ом Gilbert'ом¹ — стала еще теснее. Трудно мне Вам передать какую пользу он мне

приносит — от дружбы этой — мои глаза еще более раскрылись, я ближе подошел к искусству.

В прошлый понедельник, когда я приехал в Рим — для ликвидации комнаты — я видел Павла Павловича Муратова². Муратов очень просил меня уехать вместе с его семьей на остров Ischia³ — к нему на дачу, где меня ждет комната.

Приезжал ко мне в Genzano на мотоцикле сын Максима Горького — Максим Алексеевич Пешков — просил от имени отца — поехать в Sorrento.

Дорогие! Для той работы, что предпри<...> (*продолжение письма отсутствует*).

¹ Альфред Гильберт (Alfred Gilbert; 1854–1934), английский скульптор.

² Павел Павлович Муратов (1881–1950), писатель, искусствовед, переводчик и издатель.

³ Искья (Ischia) — остров в Тирренском море, в северной части входа в Неаполитанский залив, у западного побережья Италии.

6

*Семен Фикс — родителям и сестрам
27 марта 1927*

Capri 27/III <1>927

Дорогие родители,
милые Соня, Роза, Сима!

Целую Вас крепко с острова Капри.

Вы уже получили мои письма из Неаполя. Неаполь в буквальном смысле меня ошеломил своей живописностью. Меня привели в восторг неопикуемый узкие улицы Неаполя, но в особенности поразило движение уличное и типы. Я сделал за 3 дня 5 картин, работая в часы, когда закрыты были музеи. Посещение Неаполитанского Музея оставит глубокий след в моем движении в искусстве.

Из Неаполя я поехал с другом Бренсоном¹ в город Помпею. Это город, разрушенный извержением Везувия в первом веке после Христа.

Хождение по улицам, переулочкам, площадям, эти дворики с оставшимися чудесными аль-фресками (стенной живописью) привели меня в какой-то невероятный подъем. Я понял насколько мы дикари в духовном отношении в сравнении с этими людьми, оставившими нам столько памятников непревзойденного искусства.

Погода удивительно как располагала к этому посещению города Помпеи. Вы понимаете, мои дорогие, в каком я душевном состоянии был, когда все это осматривал и со всем этим знакомился.

Из города Помпеи я и мой друг проехали электрическим поездом в Сорренто. К вечеру зашли в дом, где живет Максим Горький, с тем, чтобы навесить нашего друга сына Максима Горького (Алексея Максимовича Пешкова) — молодого Горького, Максима Алексеевича. Максим Алексеевич очень хорошо нас принял. Оказалось, мы явились случайно в исключительный день. Оказывается, что вчера 26-го был день рождения его отца — Алексея Максимыча — Максима Горького. Когда к вечеру мы с Бренсоном находились на балконе квартиры Максима — явился неожиданно с верхнего этажа — Алексей Максимыч и сейчас же пригласил к себе наверх на ужин. За столом была вся семья Горького. Меня усадили рядом с Максимом Горьким.

После ужина, закончившегося довольно поздно, начался концерт. Несмотря на то, что было много гостей, Максим Горький, подсев еще раз к мне, разговаривал со мной. Говорили много о моем друге писателе Бабеле, по отношению к которому Горький назвал себя его крестным отцом². Наконец дошло до того, что попросил показать ему работы, сделанные в Неаполе. Они были у меня в ранце, который я все время ношу с собой. И тут я услышал такую похвалу со стороны Горького и всего общества, что я и не ожидал. Это было все искренно и просто. Горький несколько раз просил приехать к нему на продолжительное время и поработать на Sorrento. Я благодарил его за это приглашение. Наверное этим не воспользуюсь, ибо у меня другие планы и к тому же общество³ Горького мне не по душе. Целую Вас крепко.

Ваш Симон

Завтра уезжаю в Неаполь и оттуда в Рим. Мой адрес Roma, Via Curtatone 12

¹ Федор Сидорович Бренсон (Teodoro Brenson; 1892–1959), живописец, гравер, иллюстратор. Приехал в Италию в 1924 г. и вошел в римскую группу художников и граверов (Gruppo Romano Incisori Artisti). Писал портреты Вяч. Иванова и Горького. В 1941 г. перебрался в США.

² См. в «Автобиографии» Бабеля: «<...> в конце 1916 года <я> попал к Горькому. И вот — я всем обязан этой встрече и до сих пор произношу имя Алексея Максимовича с любовью и благословением. Он напечатал первые мои рассказы в ноябрьской книжке «Летописи» за 1916 год <...>, он научил меня необыкновенно важным вещам, и потом, когда выяснилось, что два-три сносных моих юношеских опыта были всего только случайной удачей, и что с литературой у меня ничего не выходит, и что пишу я удивительно плохо, — Алексей Максимович отправил меня в люди» [1, с. 32].

³ Следует предположить, что Фикс вторично не принял приглашение Горького, опасаясь выглядеть в его глазах «нахлебником», «как многие, многие другие» (см. следующее письмо). Несомненно, именно эту публику он имеет в виду, говоря об «обществе Горького».

7

*Семен Фикс — родителям
24 апреля 1928*

Roma 24/IV <1>928

Дорогие родители.

Вы должно быть получили мою открытку из города Pompei.

Я Вам там сообщал, что приехал туда с художником Павлом Суриковым. Я не сообщал Вам в открытке цели своей поездки с Суриковым, ибо желал обо всем Вам сообщить лишь в зависимости от результата нашей цели. А цель наша была такая: поехать в Сорренто к Максиму Горькому, сообщить ему на основании нами собранных данных о положении, главным образом, об условиях моральных — молодых художников. Так как мы читали, что слова Горького «больше внимания и заботы о молодых писателях»¹ сыграли большую роль, то цель нашей поездки к нему была просить Горького такого же отношения к молодым художникам. Мы отнюдь не думали и не подымали вопроса о нашем собственном положении, а говорили о сотнях художниках, разбросанных по необъятному Союзу.

Осмотрев город Pompei в среду с утра, мы в 5 ч. вечера выехали в город Сорренто. Вначале электрическим поездом до маленькой станции, затем извозчиком до Castel del Mare, а из этого города электрическим трамваем — в город Sorrento. В пути я и друг Суриков, взволнованные виденным Неаполитанским Музеем, фресками города Pompei и раскрывающейся в пути чудеснейшей картиной вулкана Везувий — не переставали ахать и охать от восторга. Приехав, уставшие, в 8 вечера в Sorrento, мы решили переночевать в гостинице, чтобы утром уж направиться к дому Горького и справиться, когда он нас может принять. В 11 ч утра мы позвонили в ворота дома, и я попросил прислугу вызвать сына Горького — Максима Алексеевича. Сын вышел, радушно пригласил к себе на 2-ой этаж и начал расспрашивать о жизни.

Узнал, что Горький получил мой пригласительный билет на выставку, но не выезжал все время из Сорренто, случайно затем узнал, что фотографии с моих работ семья Горького видела в Неаполитанском иллюстрированном журнале. Я был приятно поражен и досадно

было мне, что я этого журнала не видел... Так разговаривали мы с Максимом Алексеевичем около часу, как вдруг дверь открылась и быстро вошел Максим Горький — Алексей Максимыч Пешков. У нас с товарищем создалось впечатление, что Горький стоял за дверью комнаты, в которой мы беседовали и что все время подслушивал наш разговор. Подошел он быстро ко мне и другу моему и просил остаться обедать. Мы же решили, чтобы Горькому, или семье его не показалось, что мы приехали, как многие, многие другие, как нахлебники, отдохнуть у него от города, а приехали с целью поговорить о важном деле, от обеда любезно отказались и просили назначить час после обеда (а нами будто бы еще с утра заказан обед хозяину гостиницы), чтобы поделиться с Горьким об ужасных нравственных условиях наших братьев-художников. Конечно просили лишь назначить час для беседы, не говоря какой это разговор мы поднять намерены. Нам назначили в 4 часа.

Явившись аккуратно, мы сразу были приняты Горьким. Мы остро чувствовали, что Горький нас ждал. Мы сразу раскрыли ему всю боль, накопившуюся в сердцах наших и наших далеких товарищей. Трудно Вам передать, мои дорогие родители, с каким вниманием и с каким сочувствием слушал нас Великий Горький. Он просил снабдить его фактами и обещал все сделать, подобно тому как сделал он по отношению к писателям. Мы горячо поблагодарили его за готовность нам помочь, думали было уйти, но он просил остаться с нами, совершить прогулку по саду. Мы с радостью согласились. Мы не переставая вели беседу, главным образом об окружающей природе. Рассказывал нам чудесный Горький историю Везувия и Неаполитанского Музея, что открывались перед глазами нашими. Спустя некоторое время нас всех позвали к столу ужинать. Меня усадили рядом с Горьким, как в прошлый раз, когда я сюда приезжал. За столом были жена Горького, сын Горького с женой, мой друг, художник, проживающий всегда у Горького — Соловей², приехавшая из Киева худ<ожни>ца Валентина Ходасевич³ и инженер с женой... И вот тут завязалась беседа с Алексеем Максимычем, которую уж мы всю свою жизнь не забудем. Все думы, все переживания в молодости, сыгравшие роль на мироощущение Горького, всю душу свою сложную, богатую и простую — раскрыл нам Горький в 8-ми часовой беседе... В 1 час ночи мы распрощались и ушли к себе в гостиницу. Я уж заснуть не мог до утра, так взволновал меня Горький... Я чувствовал, что переродился, что за 8 часов, слушая великого художника, я нашел что-то великое и нужное... Я любил всегда человека, но после всего этого пришел к убеждению, что нет высшего счастья, более высшего

блаженства как служить человеку... Утром мы написали письмо Горькому, в котором выражаем горячую благодарность за богатый день, проведенный в его обществе, говорим, что из Sorrento выезжаем, более бодрыми и сильными, чем были до приезда, напоминаем о цели нашего приезда к нему и пожелали здоровья, бодрости и счастливого пути.

В пятницу вечером приехали мы с Суриковым в Рим. В пути мы не переставали вспоминать нашу беседу с великим художником. Приехав в Рим, я с вокзала по телефону спросил француза, по просьбе Bragaglia взявшего <...> (*продолжение письма отсутствует*).

¹ Речь идет о статье Горького «О пользе грамотности», вышедшей в марте 1928 г., которая завершалась фразой: «Необходимо больше внимания молодым литераторам, больше заботы о них!» [7, с. 15].

² Иван Николаевич Ракицкий (1883–1972), художник, друг семьи А.М. Горького; домашнее прозвище «Соловей» получил за свой красивый голос.

³ Валентина Михайловна Ходасевич (1894–1970), живописец, театральный художник, график; племянница Вл. Ходасевича.

Литература

1. *Бабель И.Э.* Соч.: в 2 т. М.: Худож. лит., 1990. Т. 1. 574 с.
2. *Барковская О.М.* Общество независимых художников в Одессе: Библиографический справочник / сост., автор вступ. ст. О.М. Барковская. Одесса: Одесская нац. науч. б-ка им. М. Горького, 2012. 216 с.
3. *Булучевская Е.А.* Эмиграция деятелей русской культуры в Италию (1918–1939): к вопросу о статистике и типологизации // Вестник КГУ им. Н.А. Некрасова. 2016. № 3. С. 43–46.
4. *Булучевская Е.А.* Эмиграция деятелей русской культуры в Италию (1918–1939): дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2018. 414 с.
5. *Выставки советского изобразительного искусства: Справочник <в 5 т.>*. М.: Сов. художник, 1965–1981.
6. *Горький М.* Полн. собр. соч.: Письма: в 24 т. М.: Наука, 2012. Т. 15. 966 с.
7. *Горький М.* О пользе грамотности // О литературе. Статьи и речи 1928–1935 гг. М.: Гослитиздат. 1935. С. 9–15.
8. Русское присутствие в Италии в первой половине XX века: Энциклопедия / ред.-сост. Антонелла д'Амелия, Даниела Рицци. М.: Политическая энциклопедия, 2019. 863 с.
9. *Флейшман Л.* Горький и журнальный проект А.Э. Когана // *Slavica Hierosolymitana: Slavic Studies of the Hebrew University*, vol. IV. Jerusalem: The Hebrew University; The Magnes Press, 1979. P. 268–273.
10. *Хазан В.* Адресат неизвестен (Две заметки о художниках и их покровителях) // Скрещения судеб. Literarische und kulturelle Beziehungen zwischen Russland und dem Westen. A Festschrift for Fedor B. Poljakov. Berlin: Peter Lang, 2019 (Stanford Slavic Studies, vol. 49). P. 409–438.

Research Article and Publication of Archival Documents

**“Listening to a Great Artist,
I Found Something Great and Necessary...»:
Simon Fix's Letters to Maxim Gorky and about Maxim Gorky
(Based on the Materials of A.M. Gorky's Archive)**

© 2022. Larisa Zhukhovitskaya

A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia

Abstract: This publication of materials from A.M. Gorky's archive supplements studies related to the name of the artist Simon Fix, new facts and details of his life and work. The only mention of Fix's name in Gorky's letter to the publisher A. Kogan (the publication of L. Fleishman in 1979) remained without comment for a long time and scattered information about the artist left significant gaps in his biography. V. Khazan's research, supplemented by the publication of Fix's letters to R. Friedlander and N. Friedlander, kept in the archives of David and Yevsey Shor (National Library of Israel, Jerusalem), recreates the main episodes of the artist's creative biography. Letters stored in the A.M. Gorky's Archive reveal the details of a previously unknown acquaintance between the artist and the writer. Presented corpus of Fix's letters — three letters to Gorky and four letters to relatives — testifies to their rather long acquaintance and Gorky's obvious interest in works and personality of the young painter. The content of Fix's letter to Gorky dated January 28, 1936 continues the theme of the conversation with Gorky during the meeting in Sorrento, which Fix described to his relatives in April 1928. It is logical to assume that its topics — art education and the position of artists in Soviet society — were discussed with Gorky also in the period between these two dates: perhaps researchers will have a chance to verify it.

Keywords: Maxim Gorky, Simon Fix, Pavel Muratov, Maxim Peshkov, Russian artists in Italy, Russian culture in Italy, correspondence, A.M. Gorky's Archive.

Information about the author: Larisa G. Zhukhovitskaya — Research Engineer, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Povarskaya 25 a, 121069 Moscow, Russia.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-9240-594X>

E-mail: zhukhovitskaya11@gmail.com

For citation: Zhukhovitskaya, L.G. “Listening to a Great Artist, I Found Something Great and Necessary...’: Simon Fix's Letters to Maxim Gorky and about Maxim Gorky (Based on the Materials of A.M. Gorky's Archive).” *Literaturnyi fakt*, no. 2 (24), 2022, pp. 132–151. (In Russ.) <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2022-24-132-151>

References

1. Babel', I.E. *Sochineniia: v 2 t.* [Works: in 2 vols.], vol. 1. Moscow, Khudozhestvennaia literatura Publ., 1990. 574 p. (In Russ.)
2. Barkovskaia, O.M. *Obshchestvo nezavisimykh khudozhnikov v Odesse: Biobibliograficheskii spravochnik* [The Society of Independent Artists in Odessa: Bibliographic Reference-book], comp. by O.M. Barkovskaya. Odessa, Odessaia natsional'naia nauchnaia biblioteka imeni M. Gor'kogo Publ., 2012. 216 p. (In Russ.)
3. Buluchevskaya, E.A. "Emigratsiia deiatelei russkoi kul'tury v Italiu (1918–1939): k voprosu o statistike i tipologizatsii" ["Emigration of Russian Culture to Italy (1918–1939): to the Issue of Statistics and Typology"]. *Vestnik KGU im. N.A. Nekrasova*, no. 3, 2016, pp. 43–46. (In Russ.)
4. Buluchevskaia, E.A. *Emigratsiya deiatelei russkoi kul'tury v Italiu (1918–1939)* [Emigration of Russian culture's Figures to Italy: PhD Thesis]. St. Petersburg, 2018. 414 p.
5. *Vystavki sovetskogo izobrazitel'nogo iskusstva: Spravochnik: <v 5 t.>* [The Exhibitions of Soviet Art: Reference-book: <in 5 vols.>]. Moscow, Sovetskii khudozhnik Publ., 1965–1981. (In Russ.)
6. Gor'kii, M. *Polnoe sobranie sochinenii: v 24 t.* [Complete Works: in 24 vols.], vol. 15: Pis'ma [Letters]. Moscow, Nauka Publ., 2012. 966 p. (In Russ.)
7. Gor'kii, M. "O pol'ze gramotnosti" ["About the Benefits of Literasy"]. *O literature. Stat'i i rechi. 1928–1935*. Moscow, Goslitizdat Publ., 1935, pp. 9–15 (In Russ.)
8. *Russkoe prisutstvie v Italii v pervoi polovine XXveka: Entsiklopediia* [Russian Presence in Italy in the First Half of the 20th Century: Encyclopedia], comp. by Antonella d'Ameliya, Daniela Riczci. Moscow, Politicheskaiia Entsiklopediia Publ., 2019, 863 p. (In Russ.)
9. Fleishman, L. "Gor'kii i zhurnal'nyi proekt A.E. Kogana" ["Gorky and Publishing Project of A.E. Kogan"]. *Slavica Hierosolymitana: Slavic Studies of the Hebrew University*, vol. IV. Jerusalem, The Hebrew University, The Magnes Press, 1979, pp. 268–273. (In Russ.)
10. Khazan, V. "Adresat neizvesten (Dve zametki o khudozhnikakh i ikh pokroviteliakh)" ["Addressee Unknown (Two Notes about Artists and their Patrons)"]. *Skreshcheniia sudeb. Literarische und Kulturelle Beziehungen Zwischen Russland und dem Westen. A Festschrift for Fedor B. Poljakov* [Crossing of Fates. Literary and Cultural Relations between Russia and the West. A Festschrift for Fedor B. Polyakov]. Berlin, Peter Lang Publ., 2019, pp. 409–438. (Stanford Slavic Studies, vol. 49) (In Russ.)

Статья поступила в редакцию: 18.01.2022
Одобрена после рецензирования: 20.03.2022
Дата публикации: 25.06.2022

The article was submitted: 18.01.2022
Approved after reviewing: 20.03.2022
Date of publication: 25.06.2022